

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Г. В. Барышева

Легитимация идеи диктатуры
пролетариата революционными
практиками

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Barysheva.pdf>

URL: <http://www.civisbook.ru>

Е.В. Барышева

Кандидат исторических наук, доцент РГГУ

Легитимация идеи диктатуры пролетариата революционными практиками

Российское политическое пространство как начала, так и конца XX века было наполнено конкурентными идеями, которые использовались политическими лидерами для завоевания политической власти.

В 1920-е гг. основой перехода к новой демократии должна была стать диктатура. Общество насильно втягивали в новое «светлое» будущее, т.к. достижение прогресса (причем прогресса в представлении властной элиты) предполагалось через диктатуру одного класса. В ходе революции теория Маркса о диктатуре подверглась испытанию. Как отмечал Н.И. Бухарин, Маркс ставил вопрос о диктатуре пролетариата «абстрактно-теоретически», т. е. давал «самую широкую алгебраическую формулу диктатуры»¹. Действительность же заставляла многих взглянуть на его теоретические концепты по-новому, с позиций российской действительности.

Уже в годы первой русской революции для большинства социал-демократов становится очевидным, что создаваемое в ходе восстания масс государство диктатуры пролетариата на самом деле таковым не являлось в силу как объективных, так и субъективных причин.

Первым мероприятием пролетариата в случае победы революции должна была стать и стала «очистка авгиевых конюшен старого режима и изгнание их обитателей». «Политическая расчистка» должна, по его мысли, дополняться демократической реорганизацией всех общественных и государственных отношений, выражаясь в первую очередь в «очищении» армии. Затем рабочему правительству предстояло решить вопрос о норме рабочего времени, аграрный вопрос и проблему безработицы. Успешно решая эти наиболее актуальные вопросы, пролетариат все более укрепил свою власть. Это и превратило, по словам Троцкого, власть из общедемократической в классовую. Полемизируя с Лениным, он утверждал, что пролетарская диктатура ни в коем случае не может быть диктатурой демократической.

В теоретических положениях российской социал-демократии складывается основная программная позиция большевистской партии: установление диктатуры пролетариата с фактическим креном собственно к диктатуре, а не к пролетариату. В послеоктябрьский период это положение развивалось не только в идеологических пассажах большевиков, но и еще более в практических делах миллионов, вершивших революцию. «Диктатура» и «демократия» в социал-де-

мократических идеях приходят в столкновение задолго до «триумфального шествия Советской власти».

На самом деле к концу 1917 г. у большевиков, так давно стремившихся к власти, не было четкого представления о будущем государстве. Дискуссии о форме власти и ее функциях в социалистическом обществе развернулись с новой силой. Метафора диктатуры пролетариата перестала быть революционной и превратилась в официальную идею о типе и способе государственного строительства. Характерно, что теоретики большевизма акцентировали внимание на том, что диктатура пролетариата рождалась в муках гражданской войны.

Если прежде «диктатура пролетариата» воспринималась как инструмент завоевания власти большевиками, теперь эту власть им нужно было не просто удержать, но обосновать ее легитимность. При этом и в том, и в другом случае «пролетариат» в «диктатуре» оставался метафорой, которая использовалась исключительно для достижения конкретной цели.

Диалог власти и общества большевики подменили навязыванием обществу своих теоретических концептов, доказывающих объективность существования Страны Советов. Анализ теоретического обоснования власти большевиками в 1920-е годы и эволюции их взглядов позволяет проследить процесс складывания концепции власти: структура политического пространства, понятие «политическая власть», способы и механизмы ее реализации, соотношение власти государственной и власти политической, перспективы развития политической власти и, наконец, способы формирования политического поведения и политических ценностей.

Над вопросом о том, кто должен обладать политической властью, задумываются тогда, когда возникает необходимость в реформировании или изменении политического сообщества.

Впоследствии развивая тезис о том, что власть — это война и, придерживаясь ленинского положения о том, что «диктатура пролетариата есть самая свирепая, самая острая, самая беспощадная война нового класса против более могущественного врага, против буржуазии...», многие представители политической элиты стремились обосновать политику большевистской партии. Такого рода теоретизирования были свойственны многим «профессиональным революционерам», провозгласившим деспотизм именем народа. Задачей любого властного института является достижение легитимности — согласия граждан, чтобы ими управляли именно те и именно так, как управляют. Используя насильственный метод для захвата власти, большевики прекрасно осознавали, что этот метод неэффективен для ее удержания. Поэтому своей целью они поставили создание впечатления легитимности власти путем использования идеи диктатуры пролетариата. Но на практике, так же как и в программных статьях и выступлениях, большевистские теоретики старательного уходили от собственно властного лексикона в сторону повседневных и постоянных рассуждений о величии пролетариата, руководящей и направляющей роли большевистской, а затем и коммунистической партии, и ее мудрой политики.

После взятия власти «диктатура пролетариата» трактовалась лидерами большевиков не как господство победившего класса, чьим предназначением должно было стать определение основ экономической и политической жизни государства. Они рассматривали ее как силу, способную удержать власть и подавить сопротивление противников. Н.И. Бухарин настаивал на необходимости «режима диктатуры вооруженного пролетариата». Тип государственной власти неизбежно должен быть диктаторским. Диктатуру Бухарин понимал как «форму власти, наиболее выражающую классово-репрессивный характер этой власти»². Эти идеи вошли затем в принятую на V Всероссийском съезде Советов Конституцию РСФСР³.

Развитие и укоренение в марксистской идеологии понятия диктатуры пролетариата на многие годы заменило вообще понятие власти. Диктатура становится основной, единственной формой власти, которая обсуждается и дискутируется в партийной печати.

Речь уже не шла о возможности или невозможности существования диктатуры. Дискутировались лишь формы ее существования, методы борьбы за ее расширение и укрепление.

Трудности, с которыми столкнулась власть большевиков (ожесточенное сопротивление свергнутых классов, продолжающаяся мировая война, внешняя изоляция, масштаб предстоящих задач и пр.), только усиливали необходимость формирования идеологической легитимности.

Поиск способов формирования доверия через усиленное внедрение идеологического компонента в 1920–1930-е годы прослеживается практически во всех сферах бытования политического: начиная от способов принятия решений в высших эшелонах власти до политической повседневности.

Одно из первых политических решений, связанных с продвижением новой идеологии, было изложено в Программе РКП(б), принятой на VIII съезде партии в 1919 г. Все последующие партийные съезды также актуализировали проблему идеологического обоснования действующей власти и принимаемых ею решений и прямо, и косвенно. Политические решения сопровождалась практикой идеологического воспитания масс: кружки, популяризовавшие работы классиков марксизма, выступления партийных лидеров на фабриках и заводах с докладами «о текущем моменте».

Складывание новой идеологии было призвано санкционировать новый тип власти. Это обстоятельство и обусловило тот факт, что в создаваемых новой властью идеологических концепциях теоретическим обоснованием служили социально-политические стереотипы, формируемые и затем активно эксплуатируемые властью: «об обострении классово-борьбы», о «мировой революции», идея о «ведущей роли» рабочего класса и якобы «реакционности» крестьянства, влиявшая на восприятие городов как символа будущего об «уничтожении кулака как класса» и др. Наиболее популярным в течение многих десятилетий был миф о «светлом будущем». Это было необходимо, чтобы компенсировать материаль-

ные и психологические потери и жертвы, вызванные интенсивным социалистическим строительством.

Внимание к отдельной личности заменялось культом обезличенного коллектива, человек становился не целью, а средством. Культ масс неизбежно привел к общему для всех тоталитарных идеологий культу вождей, причем в стране установился не только культ вождя, но и культ партии.

Власти активно эксплуатировали миф о классовом враге, покушающемся на «светлое будущее». Советское общество, рожденное в эпоху первой мировой войны, прошедшее через войну гражданскую, жило в постоянном ожидании войны новой. Апеллируя к низменным чувствам толпы, партийные идеологи внушали массам, что политические и экономические неудачи были следствием действий мифического «врага». Объективная необходимость заставляла власть поддерживать в массах ситуацию угрозы.

С помощью таких идеологов, упрощенных и доходчивых теоретических моделей управление массовым сознанием значительно облегчалось. А сами теории становились средством политической борьбы, орудием репрессий.

Советские теоретики марксизма внедряли в массовое сознание понимание неизменности и правильности единственно верной теоретической концепции, не признавая не только теоретического разнообразия, но и любых его вариантов. Однако для манипуляции массовым сознанием необходимо было не просто обосновать свою концепцию, но заставить массы верить в нее как единственно верную. Инакомыслие не допускалось, и только безоглядная вера в марксистско-ленинскую теорию являлась пропуском в «светлое будущее». Отказ от марксизма расценивался как предательство и преследовался административными мерами.

Марксизм стал той основной идеей, концепцией, которая была необходима советской власти в условиях разворачивания массивной пропаганды и без которой никакая пропаганда не может состояться.

Диктатура пролетариата становится оружием, способом воспитания, формирования новой ментальности строителя социализма. Со временем выяснилось, что эта форма была наиболее удачна, так как, используя тип военной диктатуры, большевики оказывали благотворное и действенное влияние в плане воспитания на поколение бывших воинов и революционеров. Это были люди, практически не знавшие мирного времени, выросшие в период активизации революционной деятельности, первой русской революции и первой мировой войны. Вот почему язык приказа и подчинения был понятен большинству.

Стремясь сохранить и укрепить свою власть, большевики, не ограничиваясь только практикой, пытались дать и теоретическое обоснование необходимости диктатуры для существования своего государства.

В ленинской концепции основополагающим (вслед за теорией Маркса) стал тезис о диктатуре пролетариата. В 1930-е годы именно признание или непризнание диктатуры пролетариата выступало определяющим принципом «идеологической верности» большевистской партии.

С момента своего создания РСДРП не рассматривала пролетариат как самостоятельного актора в политике. Теоретики партии считали, что пролетариат еще неподготовлен к управлению государством. Так, Троцкий отмечал, что рабочие еще в начале века показали свою неспособность реально управлять. Этим обуславливалась обязательность «руководящей роли» коммунистической партии в «диктатуре пролетариата».

Еще накануне первой российской революции Троцкий сомневался в способности пролетариата к «политической самостоятельности», «революционно-политической дисциплине», иронично называя пролетариев «господами кандидатами в «диктаторы». Неграмотный рабочий, — считал он, — не осознает той роли «гегемона», которую ему отвела большевистская партия⁴. В связи с этим Троцкий искал способы воздействия на пролетарское сознание. В работах уже послеоктябрьского периода он неоднократно возвращается к идее воспитания сознания человека будущего. В итоге он пришел к принципиальному выводу о том, что будущее советское государство неизбежно будет «диктатурой».

Уже в ходе революции 1905–1907 гг. для большинства социал-демократов стало очевидным, что создаваемое в ходе восстания масс государство диктатуры пролетариата в силу как объективных, так и субъективных причин на самом деле таковым не являлось. Задачей масс стала подготовка почвы для жестких тоталитарных режимов. Эта тенденция четко прослеживается уже в работах социал-демократов начала XX в.

Вступая в полемику с Лениным, Троцкий утверждал, что пролетарская диктатура ни в коем случае не может быть диктатурой демократической, а пролетариат для утверждения и реализации своей программы вынужден будет переступить границы своей демократической программы.

В теоретических положениях отчетливо прослеживается фактический крен собственно к диктатуре, а не к пролетариату. В послеоктябрьский период это положение будет развиваться не только в идеологических пассажах большевиков, но и еще больше в практических делах миллионов людей, вершивших революцию. «Диктатура» и «демократия» в социал-демократических идеях приходят в столкновение задолго до «триумфального шествия Советской власти».

Тезисом о том, что власть — это война, и ленинским положением о том, что «диктатура пролетариата есть самая свирепая, самая острая, самая беспощадная война нового класса против более могущественного врага, против буржуазии...»⁵, представители политической элиты в 1920-е годы стремились обосновать политику большевистской партии. Такого рода теоретизирования были свойственны многим «профессиональным революционерам», провозгласившим деспотизм именем народа.

Задачей любого властного института является достижение легитимности. Используя насильственный метод для захвата власти, большевики прекрасно осознавали, что этот метод неэффективен для ее удержания. Поэтому своей целью они поставили создание впечатления легитимности власти путем использо-

вания идеи диктатуры пролетариата. Но на практике, так же, как и в программных статьях и выступлениях, большевистские теоретики старательно уходили от собственно властного лексикона в сторону повседневных рассуждений о величии пролетариата, руководящей и направляющей роли большевистской (коммунистической) партии.

Учитывая военный характер возникновения пролетарской диктатуры, большевистские теоретики обосновывали и необходимость жесткой централизованной власти.

Демократические формы государства большевики отвергали. Троцкий совершенно четко ограничивает «пределы» демократии, которые он видит в интересах и потребностях революционной диктатуры: она «по-прежнему борется против мира врагов – и все, что направлено против интересов революционной диктатуры, должно быть беспощадно отмечено»⁶. Для них были неприемлемы ни всеобщее избирательное право, ни регулярные перевыборы Советов, и уж, конечно, речь не могла идти о том, чтобы предоставить мелкобуржуазным партиям полную свободу агитации и печати. Необходимо было «усилить агитацию»⁷. Так, Зиновьев подразумевал, что пролетариев надо учить быть исполнителями, их нужно пропустить через партийный аппарат для того, чтобы получить новых надежных чиновников⁸. Хотя другие полагали, что рабочие должны учиться обсуждать и решать вопросы, а не быть только исполнителями⁹.

При обсуждении программы партии Каменев декларировал, что ее общеполитическая задача заключается в том, «чтобы противопоставить лживым обещаниям буржуазной демократии реальные права и свободы для пролетариата и трудящихся масс»¹⁰. Причем государство остается классовым. Программа провозглашала, что пролетарское государство организовано так, чтобы подавлять сопротивление буржуазного меньшинства трудящимся большинством. Диктатура пролетариата должна была привести к полному уничтожению государства как аппарата принуждения. Признавая классовый характер советского государства, Каменев определял его как способ прийти «к полному уничтожению всякого государства, которое исчезнет, когда истощатся экономические его основания, разделение общества на классы, когда создадутся условия для создания коммунистического хозяйства»¹¹.

Тяжелое положение пролетарских масс, не улучшавшееся, несмотря на все усилия большевиков, заставляло уделять все больше внимания массовой психологии пролетариата и соответственно агитации и пропаганде. Необходимо было приспособить массовую психологию «и самого пролетариата, и промежуточных между ним и мелкой буржуазией слоев... к новому строящемуся коммунистическому хозяйству и новым коммунистическим отношениям»¹².

Несмотря на некоторые различия в подходах, большевистские теоретики отталкивались от ленинского тезиса о диктатуре пролетариата как неограниченной, ни с каким другим классом не разделяемой власти пролетариата, устанавливаемой в результате свержения власти буржуазии и основанной на насилии.

Логическим завершением дискуссий о форме власти и ее функциях в социалистическом обществе стала сталинская модель политической власти.

Теоретические споры о форме власти и ее институтах были не всегда доступны пониманию того самого пролетариата, о «диктатуре» которого шла речь, да и мало интересны ему. Выступая на фабриках и заводах, проводя «коллективные читки», «агитационные недели», «политдни» и т. д., большевики использовали понятные простым людям язык, знаки и символы, что обеспечивало адекватное восприятие их политики. В частности, эксплуатация образов войны, борьбы, врага была вызвана тем, что российское общество довольно долго жило в состоянии войн и революций. В этих условиях выросло новое поколение, не знавшее мирного времени.

Инструментом политического воздействия на людей и формированием смысла всех политических событий в сознании общества в это время стал идеологический диктат, формировавшийся как на теоретическом уровне, так и в повседневной жизни. В переломный для России период новая власть настойчиво искала пути теоретического обоснования и новой техники «влияния на массы». Созданное в результате восстания масс государство диктатуры пролетариата на самом деле таковым не являлось в силу как объективных, так и субъективных причин.

Складывание новой идеологии было призвано санкционировать новый тип власти. Это обстоятельство и обусловило тот факт, что в создаваемых новой властью идеологических концепциях теоретическим обоснованием служили социально-политические стереотипы, формируемые и затем активно эксплуатируемые властью: «об обострении классовой борьбы», о «мировой революции», идея о «ведущей роли» рабочего класса и якобы «реакционности» крестьянства, влиявшая на восприятие городов как символа будущего об «уничтожении кулака как класса» и др. Наиболее популярным был в течение многих десятилетий был миф о «светлом будущем». Это было необходимо, чтобы компенсировать материальные и психологические потери и жертвы, вызванные интенсивным социалистическим строительством.

В целом избранный большевиками концепт идеологической легитимности был довольно успешным, о чем свидетельствует 70-летнее существование советской системы. Коммунистический режим на определенном этапе обеспечивал решение важнейших задач государства: быстрыми темпами была проведена индустриализация, страна вышла из международной изоляции, победила в Великой Отечественной войне, достигла значительных успехов в различных областях науки и культуры.

---

¹ См.: *Бухарин Н.И.* Теория пролетарской диктатуры: 1919 г. // Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988. С. 9.

² *Бухарин Н.И.* Избранные произведения. С. 11 – 17.

³ Конституции и конституционные акты РСФСР: (1918 – 1937). М., 1940. с. 22 – 23.

- ⁴ *Троцкий Л.Д.* Итоги и перспективы: Движущие силы революции // Там же, С. 96.
- ⁵ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 383
- ⁶ *Троцкий Л.Д.* За качество, против бюрократизма, за социализм (Речь на III Всесоюзном Совещании рабселькоров 28 мая 1926 г.)// Соч. т.XXI. С. 93–94.
- ⁷ Десятый съезд Российской коммунистической партии. Стенографический отчет. 8–18 марта 1921 г. М.: Госиздат, 1921. С.74
- ⁸ Там же. С.75.
- ⁹ Там же. С. 75.
- ¹⁰ Там же. С.74.
- ¹¹ Там же. С. 79.
- ¹² Там же. С.84.